


**СВЯТѢЙШАГО ПАИСІЯ,
ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,
КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ
БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.**



**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.**

1857.



Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

Москва
2004

**КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ СВЯТѢЙШАГО ПАИСІЯ, ПАТ-
РІАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО, И О ПРЕДЛАГАЕМОМЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ ЕГО СОЧИНЕНІИ.**

О жизни Святѣйшаго Паисія, патріарха Константинопольскаго, мы имѣемъ весьма неполныя, и притомъ разнорѣчивыя извѣстія. По однимъ, онъ дважды занималъ патріаршій престолъ, въ первый разъ послѣ патріарха Аѳанасія II, а въ другой—послѣ Кирилла III, двукратно также занимавшаго вселенскую кѣедрю, и послѣ того былъ вновь низведенъ съ патріаршества и занималъ сначала кѣедру Кизическую, а потомъ Ефесскую. По другимъ извѣстіямъ, онъ только однажды былъ на константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ и послѣ того удалился въ мѣсто своей родины—Иезбось, гдѣ и скончался (*). Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, именно пастырское участіе его въ одномъ изъ важнѣйшихъ событій исторіи отечественной нашей Церкви—въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ, предпріятомъ патріархомъ Никономъ.

Увѣрившись вполне въ необходимости этого дѣла, которую призналъ и соборъ прочихъ русскихъ іерарховъ и важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, царь Алексѣй Михай-

(*) *Lequien. Oriens Christ. t. I, pag. 340.*

ловичъ и всероссійскій патріархъ Никонъ нашли нужнымъ испросить на него согласіе у первосвятителей Востока, «да не одна ихъ воля, но да и совѣтъ вселенскихъ патріарховъ оныхъ книгъ о исправленіи будетъ.» Съ этою цѣлію они въ 1654 году отправили въ Константинополь Мануила Грека съ грамотами, въ которыхъ предложили святѣйшему Пансію до 26 вопросовъ касательно разныхъ церковныхъ дѣлъ. Съ архипастырскою готовностію вселенскій патріархъ созвалъ соборъ митрополитовъ, архієпископовъ и епископовъ и прочаго важнѣйшаго духовенства константинопольскаго, и на этомъ соборѣ разсмотрѣны присланные въ грамотахъ вопросы и составлены на нихъ отвѣты, которые въ 1655 г. и были присланы въ Москву, въ формѣ письма отъ патріарха константинопольскаго къ патріарху русскому.*Такъ какъ между этими отвѣтами одинъ, именно первый, прямо относится къ нашей цѣли, т. е. къ изъясненію православнаго Богослуженія, представляя, хотя краткое, но полное простоты и возвышенности изъясненіе божественной Литургіи: то мы и сочли полезнымъ предложить читателямъ этотъ отвѣтъ въ переводѣ, который сдѣланъ съ греческой рукописи, находящейся въ одномъ греческомъ Сборникѣ Новгородской Софійской бібліотеки. Доселѣ этотъ отвѣтъ, вмѣстѣ со всѣми прочими, былъ переведенъ на нашъ языкъ только однажды, въ 1656 году, и напечатанъ въ Скрижали (ч. 1, стр. 639—760).

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Подобаетъ прежде всего вѣдать, что на основаніи словъ Христа и Бога нашего, которыя сказалъ Онъ, когда преподавалъ тѣло и кровь свою подъ видомъ хлѣба и вина, говоря: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, святая Церковь не только употребляла свою силу и власть на то, чтобы прелгать и премѣнять хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы, но и заботилась надъ этимъ тѣломъ и кровію Христовою совершать обстоятельнѣйшее воспоминаніе всего домостроительства таинства воплощенія, т. е. смерти, воскресенія и пр. Поэтому, основываясь на томъ, что мы совершаемъ это воспоминаніе, пусть никто не думаетъ, будто мы просто представляемъ только образы тѣла и крови Христовой и смерти, тогда какъ ихъ нѣтъ въ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, — бываетъ самое тѣло (Спасителя) въ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ и надъ нимъ мы совершаемъ воспоминаніе смерти Его и прочихъ

тайнствъ, какъ изъясняетъ то Павелъ, говоря: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пиете, смерть Господню возвъщаете* (1 Кор. 11, 26). Но поелюку, смѣртъ преднолагаетъ рожденіе Господа, проповѣданіе евангелія, чудеса, избраніе Апостоловъ и прочія тайны, которыя Онъ совершилъ прежде страданія и воскресенія, за которыя и былъ распятъ; то Церковь и озаботилась составить Литургію такъ, чтобы она обнимала все таинство вочеловѣченія Сына Божія, отъ начала до конца—отъ рожденія даже до вознесенія и возсѣденія одесную Бога и Отца, и чтобы все это представляла она чувствамъ ея чадъ въ вещественныхъ символахъ и въ видимыхъ вещахъ, дабы ими они были путеводимы къ невещественному и премірному. А такъ какъ было бы неудобно для этого уполятреблять столько же вещественныхъ знаковъ, сколько было дѣлъ и страданій Господа; то она одной и той же вещи усвоила много значеній, смотря по различію времени, мѣста и словъ, такъ что напр. покровъ чаши можетъ означать то одно таинство, то другое, какъ это увидимъ ниже. Но не соблюдается на литургіи и самый порядокъ таинствъ примѣнительно къ порядку времени, въ которое Христось ихъ преподавалъ, а изображаются они—одни прежде, другія послѣ; такъ святое приобщеніе, которое Христось преподавалъ ученикамъ своимъ предъ страданіемъ, мы совершаемъ уже послѣ воспоминанія Его смерти и воскресенія. Начало же таинствамъ полагается такимъ образомъ.

Прежде всего приносятъ въ церковь просфору, и она означаетъ Дѣву Марію, когда родители вели ее во храмъ Господень,—и священникъ, подражая пророку Захарію, вноситъ ее внутрь Святаго Святыхъ на особое мѣсто, чтобы такимъ образомъ приготовить ее для приношенія, въ прообразованіе того времени, которое провела тамъ внутри Дѣва. Взямая оттуда, священникъ несетъ ее на предложеніе, означая путешествіе, которое совершила всевятая вмѣстѣ съ Іосифомъ въ Вифлеемъ, для записи. Будучи тогда непраздною (почему и просфора имѣетъ на себѣ отпечатлѣнное имя Іисуса Христа), родила въ вертепѣ; потому что, по причинѣ стеченія народа, она не имѣла другаго пристанища. И на это указываетъ видъ предложенія, которое округляется и имѣетъ средину вышуклую. Тогда Матерь положила отроча во ясляхъ. — и (въ Церкви) есть дискось во образъ этихъ яслей. Покровы же указываютъ на пелены, о которыхъ говоритъ Лука: *повитъ его и положи его во ясляхъ* (Лук. 2, 6). Звѣздница указываетъ на звѣзду, явившуюся волхвамъ: а кандильница и куренія, возносимыя на предложеніе, образуютъ дары волхвовъ—золото, ливанъ и смирну. Но поелику пророкъ Исаія говоритъ, что Сынъ (т. е. Божій) послѣ того, какъ *родился* отрочатей и *дадеса намъ*, имѣлъ *начальство* или царство *на рамя своемъ* (Ис. 9, 6), чѣмъ указываетъ на крестъ, чрезъ который Онъ воцарился надъ народами, да и самъ Христосъ говоритъ, что *человѣкъ* раждается не на дру-

гой конецъ, какъ на тотъ, чтобы умереть, ибо и *Сынъ человѣческій не придетъ, да послужатъ ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. 20, 26); поэтому Церковь съ однимъ и тѣмъ же временемъ и мѣстомъ соединяетъ воспоминавіе и рожденія и смерти Иисуса, особенно когда, при воспоминаніи Его рожденія отъ Дѣвы, изображаетъ и Его закланіе, говоря: *яко овца на закланіе веденъ былъ еси, Христе Царю*, и другія изреченія о страданіи Господа, которыя предъизрекли Пророки, какъ объ имѣвшемъ совершиться, и провозвѣстили Апостолы, какъ о совершившемся. А чтобы священникъ могъ отобразить закланіе Иисуса на частицѣ хлѣба, онъ обращаетъ ее нижнею стороною къ верху, какъ бы гортань агнца, ибо такъ закалается агнецъ. Уязвляетъ онъ ее и въ бокъ съ правой стороны. И поелику изъ него у Спасителя *изыде кровь и вода*, а Іоаннъ, присутствовавшій при этомъ, увидѣвъ, принялъ ихъ (какъ нѣкоторые пишутъ) въ одинъ изъ сосудовъ, которые заключали въ себѣ желчь и оцетъ, и въ нихъ сохранилъ кровь Христову и воду, — и онѣ сохраняются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до сего дня; то Церковь во образъ того сосуда имѣетъ святой потиръ, въ который вливаетъ нынѣ въ началѣ (Литургіи) вино и воду; въ послѣдствіи же по освященіи (даровъ) онъ дѣлается образомъ того потира, въ которомъ Господь преподалъ ученикамъ кровь свою. И соотвѣтственно снмъ двумъ таинствамъ, т. е. рожденію и распятію,

предложеніе можетъ означать двѣ вещи: соотвѣтственно одному—вертепъ, соотвѣтственно другому—Голгоѳу; также—и покровы рожденіемъ указываютъ на пелены, крестомъ на новую плащаницу и сударь. Надъ предложеніемъ также кадятъ, потому что сей рожденный и распятый Иисусъ чрезъ крестъ воцарился надъ всѣми народами *и царствію его не будетъ конца* (Лук. 1, 35). А поелику Онъ молилъ Отца своего, да будутъ слуги его тамже, гдѣ и Онъ; то мы полагаемъ вокругъ его всѣ чины святыхъ, начиная отъ Дѣвы, которая предстать одесную Его, а ниже ея частицы Предтечи и потомъ святыхъ Апостоловъ и Пророковъ, Мучениковъ и Учителей и другихъ — въ три ряда, какъ бы они предстояли (Христу), также частицы и ангельскихъ чиновъ на небеси, такъ какъ находящееся у насъ священнодѣйствіе есть подобіе небесной іерархіи, какъ говоритъ св. Діонисій Ареопагитъ. Ниже этихъ тройныхъ рядовъ мы полагаемъ также частицы живыхъ и усопшихъ, которыхъ вспоминая, мы желали бы, чтобы, когда благоволитъ, пришелъ Судія живыхъ и мертвыхъ, сей Иисусъ. Въ этомъ отношеніи предложеніе уже являетъ собою престолъ царствія Господа нашего Иисуса Христа и престолъ благодати, которому мы нынѣ предстоимъ, ища отпущенія нашихъ грѣховъ, и въ будущее пришествіе имѣемъ предстать для того, чтобы дать отчетъ о своихъ дѣлахъ. Послѣ этихъ четырехъ вещей, о которыхъ воспоминаніе мы совершаемъ на святомъ

предложеніи, т. е. послѣ рожденія, страданія, престола благодати и престола суда, другія вещи мы относимъ къ своимъ временамъ и мѣстамъ. Обращаемся же къ рожденію, — и отъ него литургія идетъ впередъ такимъ образомъ. Сперва священникъ, поклавъ святое предложеніе и весь олтарь, благодаритъ Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа о томъ, что Онъ тако изволилъ и тако повелѣлъ. Потомъ возсылая челоуѣколюбію Его ту славу, которую провозвѣстили Ангелы при рожденіи Его, говоритъ: *слава въ вышнихъ Богу*, тихо про себя; такъ какъ и Ангелы открыли ее однимъ пастырямъ. Между тѣмъ нижнія двери оставляетъ затворенными, а завѣсу или верхнія двери поднимаетъ, чтобы показать, что съ начала не міръ дольний, т. е. не народъ грубый и простой узналъ тогда о рожденіи Христовомъ и домостроительствѣ; но одни возвышенные и богоподобные люди, которымъ онъ благоволилъ открыть оное, каковы были Пророки, Патріархи, Дѣва, Иосифъ, пастыри, волхвы,—и за тѣмъ говоритъ: *благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа*. Мы упоминаемъ здѣсь о таинствѣ святыя Троицы по причинѣ воспоминанія о домостроительствѣ воплощенія. Тогда какъ вечерню, которая означаетъ примрачное познаніе и начало боговѣдѣнія, начинаемъ словами: *благословенъ Богъ нашъ*, а утреню, которая указываетъ на свѣтъ ветхаго закона, словами: *слава святѣй и единосуцнѣй и животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ*; святую Литургію

начинаемъ возгласомъ: *благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа*. Это—ради того, что сперва мы избѣжали идолопоклонства, познавъ, что истинный Богъ есть творецъ всякаго созданія въ мірѣ, потомъ по прикровеннымъ вѣщаніямъ пророковъ познали, что Онъ триипостасенъ, напоследокъ, по вочеловѣченіи Бога Слова, содѣлалось для насъ ясно, что сіи три ипостаси не иныя, какъ только Отецъ Сынъ и Духъ Святой,—въ оныя мы крестились и такимъ образомъ совершились въ боговѣденіи. Далѣе произносятся мирныя прошенія и молитвы; такъ какъ божественная Литургія служитъ не только воспоминаніемъ Христовыхъ страданій (какъ мы сказали), но и ходатайствомъ предъ Богомъ о нашихъ согрѣшеніяхъ. Тогда пѣвцы, изображая Пророковъ, поютъ изъ ветхозавѣтнаго Писанія: *благослови, душе моя, Господа*,—и: *хвали, душе моя, Господа*; потому что, хотя домостроительство воплощенія Слова и было сокрыто отъ другихъ людей, какъ сказано выше, но для пророковъ и прародителей оно было открыто и служило для нихъ предметомъ чаяній и вѣспословіій. Какъ скоро бывають прочтены эти пѣсни, мы изображаемъ то, какъ Христосъ возрасъ и началъ проповѣданіе Евангелія. Первое наставленіе, которое Онъ преподдалъ и съ которымъ явился міру, было: *блаженнѣе нищѣи духомъ*, и пр. Поэтому тогда открываются и нижнія двери и въ нихъ показывается священникъ, лицомъ къ народу, чтобы изобразить Христа, проповѣдующаго Еван-

геліе народу. Но такъ какъ Онъ съ проповѣдію Евангелія не оставался только въ Іерусалимѣ, но ходилъ и въ другія мѣста и страны, какъ самъ говорилъ: *идемъ въ имѣющіеся пригорода, или въ ближнія веси и грады, да и тамо проповѣдываемъ: на сіе бо изыдохъ* (Марк. 1, 38); по этому священникъ, неся въ рукахъ Евангеліе, исходитъ вонъ къ народу и говоритъ: *премудрость проста* (*σοφία ὀρθή*), т. е. это Евангеліе есть мудрость истинная, вѣрная и надежная, а не мудрость еллинская, которая вовлекала людей въ идолопоклонство. И мы, языческій народъ, показывая, что съ радостію приняли Евангеліе, отвѣтствуемъ пѣніемъ: *приидите поклонимся*. Впереди же священника несется лампада и означаетъ и предтечу Іоанна, о которомъ написано: *уготовахъ свѣтильникъ помазанному моему* (Пс. 131, 17), а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ пророковъ, которые до Христа возвѣщали его пришествіе. Лампада эта указываетъ также на то, что сей законъ Божій есть *свѣтильникъ ногамъ* нашимъ (Пс. 118, 105), и на слова: *ходите во свѣтъ, дондеже свѣтъ имате* (Іоан. 12, 35) и: *вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (—36). Проповѣдая Евангеліе, Іисусъ собиралъ Апостоловъ и посылалъ ихъ, чтобы они и сами проповѣдали слово Его. Посему читается Апостоль. Но Іисусъ и снова начиналъ проповѣдывать и творить чудеса. Поэтому читается и Евангеліе или діаконъ, который указываетъ на Апостоловъ, или же священникомъ, который представляетъ со-

бою Христа, а Евангеліе содержитъ въ себѣ видѣ ученіе Господа, видѣ же чудеса. Между тѣмъ, во время Апостола и Евангелія, воскуряется опіямъ въ ознаменованіе того, что проповѣдуемое слово Божіе служитъ благоуханіемъ для Церкви, какъ говорилъ Павелъ, Учитель языковъ: *Христово благоуханіе есмь Богови* (2 Кор. 2, 15). Доселѣ слѣдуютъ таинства въ указанномъ порядкѣ тогда, когда служитъ одинъ священникъ, или же вмѣстѣ съ діакономъ, изъ чего явно, когда надлежитъ отворить великія двери святаго олтаря, т. е. когда начнутся блаженны,—и остаются онѣ отворенными, пока не начнутся молитвы объ оглашенныхъ. Тогда нижнія двери запираются, такъ какъ святое сокровяется отъ непосвященныхъ.

Когда же служитъ Архіерей, тогда мы представляемъ и другія таинства. Иерархъ, стоя для облаченія въ священническія одежды вѣ алтаря, предъ народомъ, являетъ собою Христа, который пришелъ въ міръ възыскать овцу, заблудившую въ горахъ, оставивъ на небѣ девяносто девять не заблудившихъ, т. е. небесныхъ ангеловъ. А небо изображается чрезъ святой олтарь. Іисусъ, обрѣтъ свое овча долу на землѣ, возложилъ его на оба свои рамена, т. е. на Божество и человѣчество. По этому и Архіерей возлагаетъ на оба свои рамена омофоръ; а вокругъ его стоятъ всѣ священники и діаконы, прислуживая ему по чину своему, какъ Ангелы, которые служили Христу иъкогда на горѣ, послѣ Его крещенія и побѣды надъ діаволомъ, какъ

говоритъ Писаніе: *и се Ангели приступиша и служаху ему* (Матѣ. 4, 11). Стоитъ же предъ нимъ свѣщеносецъ съ возженною лампадою; ибо Господь говоритъ: *азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12), и объ Апостолахъ подобнымъ же образомъ говоритъ: *вы есте свѣтъ міру* (Матѣ. 5, 14), и: *тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ чловѣки* (—16). Во время пребыванія архіерея внѣ святаго олтаря, двери олтаря остаются отворены, являя собою врата небесныя, которыя отверзло пришествіе Христово въ міръ. Почему Господь и сказалъ: *отсель узрите небо отверсто и ангелы Божіи восходяща и нисходяща надъ сына чловѣческаго* (Іоан. 1, 51). И поелику, какъ скоро Господь исполнилъ проповѣдь Евангелія, Опъ взошелъ къ Отцу своему, по Егоже собственнымъ словамъ: *дѣло совершихъ, еже далъ еси мнѣ, да сотворю, нынѣ же къ тебѣ гряду* (— 17, 4. 11); то и архіерей, послѣ: *премудрость прости*, грядетъ, чтобы войти во святое святыхъ, преподавъ предварительно благословеніе міру, такъ какъ и Христосъ, возносимый на небеса, *воздвигъ руцѣ благослови учениковъ своихъ* (Лук. 24, 50). Вошедши онъ цѣлуетъ святыя иконы, чтобы показать, что чрезъ Христа мы примирились съ Богомъ и Отцемъ,—и такъ обр. входитъ, образуя то, о чемъ говорятъ Павелъ, —что не въ рукотворенная святая видѣ Христосъ, *противобразная истинныхъ, но въ самое небо, да явится лицу Божію о насъ* (Евр. 9, 24). Когда Христосъ даже до Вет-

хаго денми дойде и предъ него приве-
 деса, какъ говоритъ Даниль, ему дадеса
 власть и честь и царство (—7, 13. 14), т.
 е. та неотъемлемая слава, которую Онъ имѣлъ
 и до вочеловѣченія и которой Онъ, находясь еще
 въ мѣръ, просилъ у Отца своего, говоря: *и ны-
 ньѣ прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самаго
 славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде мѣръ не
 бысть* (Юан. 17, 5). Поэтому ангелы, покла-
 няясь Ему, воспѣли свою пѣснь, которою и
 прежде Его славилн, т. е: *святъ, святъ, святъ*,
 не прилагая и не отъемля ничего отъ трисвя-
 таго славословія. Подражая имъ, и мы — цер-
 ковь изъ язычниковъ—поемъ трисвятую пѣснь,
 заимствуя слова: *святый, святый, святый*,
 отъ Серафимовъ (Ис. 6, 5), которыхъ видѣлъ и
 слышалъ Исаія, а слова: *Боже, крѣпкій, без-
 смертный*,—отъ Пророка Давида, который го-
 воритъ: *возжада душа моя къ Богу, крѣп-
 кому, живому* (Пс. 41, 51),—чтобы показать,
 что и ангелы и люди составили одну Церковь
 и отъ тѣхъ и другихъ согласно воздается Хри-
 сту одна и таже хвала. Но такъ воспѣваетъ
 Господа нашего Иисуса вмѣстѣ со Отцемъ и Св.
 Духомъ народъ; а іерархъ, показывая, что это
 дѣло есть тайна, держитъ надъ Евангеліемъ
 трикирій только съ двумя возженными свѣча-
 ми, съ цѣлію выразить, что пѣснь та возсы-
 лается къ двумъ естествамъ Богочеловѣка. А
 какъ мы научены отъ божественныхъ словесъ
 славить Христа вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ
 Духомъ; то снова возжигаетъ третію свѣчу,

выражая тѣмъ, что Иисусъ, спокланяемый Отцу и Духу, ясно научилъ насъ таинству святыя Троицы. Послѣ того, исходя съ трикиріемъ къ народу, архіерей благословляетъ и преподаетъ Божественные дары совокуно отъ трехъ чюстасей животворящей Троицы; ибо написано: *возшедъ на высоту*, т. е. на небо, (Иисусъ) сперва *плыль крестомъ плыль*, въ которомъ мы находились, а потомъ *даде даянія челоувкомъ*, т. е. дарованія Духа (Ис. 67, 19). Преподавъ благословеніе, архіерей идетъ и возсѣдаетъ на тронѣ, при чемъ отлагаетъ омофоръ, показывая, что Христось принесъ овча, т. е. челоувка, и предалъ оное Отцу своему. Потому *Отецъ Его и превознесе и посади одесную себе на небесныхъ, превыше всякаго начала и власти и силы и господства и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣщъ семъ, но и въ грядущемъ, и вся покори подъ нозль его* (Еф. 1, 21. 22). Объ этомъ и Давидъ предвозвѣстилъ, говоря: *рече Господь Господеви моему, съди одесную мене, доудеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Ис. 109, 1). Тогда согласно съ этимъ провозглашаются имена царей, между тѣмъ какъ патріархъ или другой архіерей сидитъ, а прочіе стоятъ какъ на молитвѣ,—и это провозглашеніе дѣлають трижды священнослужители въ олтарѣ, а пѣвцы внѣ, въ хорѣ.

Далѣе за таинствами, о которыхъ мы сказали, слѣдуетъ эктенія вообще о всѣхъ христіанахъ и за нею непосредственно другая — объ

оглашенныхъ, которые еще не крещены. Когда же скажутъ: *да и ти съ нами славятъ*, распростирается антиминь, такъ какъ онъ означаетъ гробъ Господень, который Иосифъ, какъ оглашенный и еще не совершенный ученикъ, изсѣкъ изъ камня для себя собственно (антиминь есть какъ бы пещера), но въ-послѣдствіи посвятилъ Христу. Отъ этихъ молитвъ мы обращаемся потомъ къ таинству креста,—и іерархъ, находя Иисуса на предложеніи, какъ бы распятаго на Голгоѣѣ, кадитъ все святилище въ благодареніе за такой даръ Божій, при чемъ говоритъ: *помилуй мя, Боже, до: ублажи Господи*. Остальное же онъ говоритъ послѣ поставленія божественныхъ даровъ на святую трапезу. Затѣмъ, обнаживъ голову отъ митры, вынимаетъ частицы за царей, архіереевъ и народъ и остается непокровеннымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты святые дары. А такъ какъ онъ носитъ образъ Христа; то самъ не выноситъ святыхъ даровъ, но даетъ священнику, или діакону, которые являютъ собою Иосифа и Никодима. Въ это время воздухъ указываетъ собою на плащаницу, а другіе два покрыва—на сударь, которымъ обвили голову Христа, и на прочія погребальныя пелены или повязки. Несется между тѣмъ кадильница въ означеніе смиренны и алая, которыя купили совершавшіе погребеніе и которыми умастили они тѣло (Господа). И поелику они не погребли Его на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ крестъ, но перенесли въ садъ,—и въ немъ-то

была пещера, а въ пещерѣ гробъ; то священникъ идетъ отъ предложенія, какъ бы отъ Голгофы, исходить со святыми дарами воишь на церковь, сопровождаемый и спереди и сзади свѣтильниками, которые означаютъ и предтекавшихъ Пророковъ и послѣдовавшихъ Апостоловъ,—и, воспоминавая о разбойникѣ, который не задолго передъ тѣмъ рѣшился сказать: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоемъ* (Лук. 23, 42), молится за весь народъ, говоря: *всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ*; подобнымъ образомъ молится и народъ о томъ же самомъ со всякимъ благоговѣніемъ и уничиженіемъ, покланяясь до самой земли, не потому, конечно, чтобы въ святыхъ дарахъ видѣлъ дары уже совершенные, но потому, что скорбитъ въ чувствѣ смиренія, воспоминавая о своихъ грѣхахъ и прося изъ глубины души, подобно разбойнику, ради смерти Христовой, ихъ отпущенія. Тѣло Господа Иисуса, бывъ внесено въ святой олтарь, даетъ намъ случай припомнить таинства Его погребенія. Антиминсъ при этомъ изображаетъ уже гробъ, какъ мы сказали, святая трапеза—садъ, покровъ чаши, которую священникъ поставляетъ на антиминсѣ, — плащаницу, покровъ дискаса — сударь, бывшій на головѣ Иисуса, почему онъ и свертывается и полагается также на антиминсѣ на особое мѣсто, воздухъ, означавшій до настоящаго времени плащаницу, берется уже въ значеніи большаго камня, который Иосифъ привалилъ къ двери

гроба, и потому имъ покрываются святые дары. Между тѣмъ кадятъ, опять въ знаменованіе смиренія и алая, и запирають двери какъ верхнія, такъ и нижнія, означая нижними сокровенное схождение Иисуса во адъ, а верхними — стражу, которую приставили Иудеи къ гробу, чтобы не пришли ученики и не украли тѣла Иисусова. Бываетъ же на верху воздуха и звѣзднца для означенія печати, которую они положили, *знаменовавше камень съ кустодіею* (Матѳ. 27, 66). Послѣ того слѣдуютъ опять молитвы. Когда Иисусъ восхотѣлъ явить воскресеніе свое; произошло сильное землетрясеніе и вмѣстѣ съ нимъ гробъ отверзся, а стражи отъ страха разбѣжались. Поэтому, когда діаконовъ говоритъ: *двери, двери, премудростію возмемъ*, священники берутъ воздухъ и колеблють имъ надъ гробомъ, а къ нему приближаетъ архіерей. Вмѣстѣ съ этимъ отворяются верхнія двери олтаря, означая отверзтіе гроба, землетрясеніе и бѣгство стражей и то, что архіерей спогребается Христу, чтобы съ Нимъ и воскреснуть. Потому священники и снимаютъ воздухъ съ головы іерарха: а народъ тогда говоритъ символъ православной вѣры нашей, такъ какъ главнѣйшія изъ таинствъ вѣры нашей суть смерть и воскресеніе Господа нашего; послѣ чего слѣдуетъ и остальное. Снимается печать, которую изображала звѣзднца, какъ скоро начинаютъ пѣть ангельскую пѣнь: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ*, поелику бѣловидные ангелы неслужили всему этому, — и опять на-

чинаются молитвы умоливительныя и благодарственныя и совершается освященіе честныхъ даровъ, чтобы вѣрные христіане могли пріобщиться совершеннаго тѣла и крови Христовой. Но прежде святаго пріобщенія, чтобы представить образъ воскресенія, какъ и другихъ таинствъ, священникъ немного поднимаетъ святой хлѣбъ надъ дискосомъ, показывая тѣмъ, что возсталъ Господь, и Его словами научаетъ Христіанъ молиться о принятіи сихъ страшныхъ таинъ; поелику такіе святыя дары и подаются только святымъ. Потомъ, когда священныя лица пріобщатся внутри олтаря; какъ Апостолы на тайной вечери, священникъ или архіерей исходитъ къ народу съ одною чашею, такъ какъ въ ней бывають смѣшаны оба вида тѣла и крови Господа, которые Господь преподалъ намъ для пріобщенія, притомъ тѣмъ и другимъ,—и пріобщаетъ народъ по священному преданію. Этимъ онъ означаетъ впрочемъ и то, какъ Іисусъ, воскресши изъ гроба, явилъ Себя живымъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всему міру. Но такъ какъ Онъ не постоянно обращался съ своими учениками, какъ—и прежде страданія, но въ теченіе сорока дней то являлся, то скрывался отъ взоровъ ихъ (поелику, послѣ воскресенія, у Него было тѣло прославленное); то священникъ опять вноситъ въ олтарь святыя дары и показываетъ тѣмъ, что Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, иногда не являлся міру. Послѣдній же разъ Онъ явился Апостоламъ на горѣ Елеонской, съ которой воз-

несся. Поэтому и священникъ, опять обращаясь къ народу съ святыми дарами, громко говоритъ: *всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ*, и тѣмъ указываетъ на вознесеніе Господа на небеса. Послѣ этихъ заключительныхъ словъ и дѣйствій онъ переноситъ тѣло Христова съ святой трапезы на священное предложеніе, какъ бы съ земли на небо,—и тогда трапеза дѣлается какъ бы престоломъ Бога и Отца, а предложеніе какъ бы съ десной стороны съдальцемъ величества на высокихъ. А такъ какъ Господь явилъ ученикамъ своимъ свою волю, что они во царствіи Его будутъ возсѣдать за трапезою Его, вкушая и пия вмѣстѣ съ Нимъ оныя таинственныя сѣдн и новыя питія, которыя означилъ въ словахъ: *не имамъ пити отъ плода сего винограда, до дне того, егда е сию съ вами ново во царствіи Отца Моего* (Матѣ. 26, 29): поэтому священникъ или діаконъ идетъ опять и приобщается другой разъ тѣла и крови Господа, такимъ образомъ *потребляя*, какъ говорится, святыя дары, въ означеніе будущаго таинственнаго и послѣдняго пиршества. Въ послѣдствіи, послѣ отшествія Христа изъ этого міра, оставалась еще въ немъ для утѣшенія вѣрующихъ Дѣва Марія: потому отъ просфоры, изъ которой произошелъ агнецъ, раздѣляется народу такъ называемый антидоръ, во образъ Пресвятой Богородицы, — и такимъ образомъ вмѣстѣ съ священною литургіею заключаются и всѣ таинства домостроительства воплощенія.

Но, послѣдку дѣло святаго пріобщенія имѣетъ нѣкоторыя неотъемлемыя принадлежности, которыя требуютъ толкованія, то мы, возвращаясь къ прежнему, продолжаемъ. Архіерей, намѣреваясь пріобщиться, снимаетъ митру, такъ какъ тогда онъ носитъ образъ уже не Царя Христа, а человѣка, подлежащаго немощи и проникнутаго смиреніемъ,—и стоитъ съ непокрытою головою, пока не совершитъ священнаго преподанія (даровъ). Чтобы представить образъ воскресенія, для того, поднявъ освященный хлѣбъ отъ жертвенника, онъ раздѣляетъ его на четыре части; потому что этотъ хлѣбъ есть тѣло Христово, которое раздѣляется и раздробляется для вѣрныхъ, безъ оскудѣванія благодати обоженной плоти, о чемъ Христосъ сказалъ: *сіе есть тѣло мое, за вы ломимое* (Кор. 11, 24). Затѣмъ священникъ одну изъ четырехъ частей напояетъ, влагая въ святой потиръ; такъ какъ въ воскресеніе сойдутся и сплетутся всѣ члены человѣческаго тѣла и составятъ одно. Потомъ вливаетъ теплой воды, говоря: *теплота исполни вѣры*» и пр., и присовокупляя: *божественная баня накубытія*, — прежде всего, чтобы показать, что Духъ Св., который въ божественномъ Писаніи обыкновенно изображается подъ символами огня и рѣкъ, воды, есть собственно причина, которая произведетъ воскресеніе: потому и говоритъ: *последи Духа твоего и созиждутся, и обновится лице земли* (Пс. 103, 50);—далѣе для того, чтобы кровь и воду сдѣлать на

вкусъ теплыми, какъ то было, когда они про-
 стекли отъ ребра Иисуса Христа, дабы такимъ
 образомъ дать намъ представить, что онъ исхо-
 дятъ изъ живаго тѣла:—въ третьихъ, чтобы по-
 казать, что эти два вида, т. е. кровь и вода,
 привлекаютъ къ намъ благодать Божию въ свя-
 томъ крещеніи и въ божественномъ приобщеніи,
 запечатлѣвая насъ Духомъ Святымъ. Послѣ
 того приобщается архіерей первымъ, говоря
 таинственныя молитвы, которыхъ требуетъ при-
 частіе, особенно же молитву: *вѣрую, Господи,
 и исповѣдую, яко ты еси воистину Хри-
 стосъ, Сынъ Бога живаго*,—это собственныя
 слова, сказанныя Петромъ въ отвѣтъ Иисусу,
 когда Онъ спросилъ Апостоловъ, что они дума-
 ютъ о Немъ: *и рече, ты еси Христосъ, Сынъ
 Бога живаго* (Матѳ. 16, 19). Это — потому,
 что хлѣбъ, котораго мы причащаемся, есть Самъ
 Христосъ, котораго зрѣли тогда Апостолы и о
 которомъ свидѣтельствовали. Съ этою вѣрою и
 подобающимъ благоговѣніемъ и страхомъ, какъ
 приемиющей своими устами плоть и Божество
 Иисуса и совокупляющей се со Христомъ, онъ
 приобщается святаго хлѣба однажды, т. е. за
 одинъ приемъ, а святой чашы въ три приема,
 говоря: *во имя Отца и Сына и Святаго Ду-
 ха*; потому что, когда Христосъ приходитъ обит-
 тать въ человѣкѣ, приходитъ не одинъ, но со
 Отцемъ и Духомъ. Подобнымъ образомъ приоб-
 щаются и прочіе архіереи и священники и діа-
 коны, при чемъ іерархъ преноситъ имъ одна-
 жды хлѣбъ и трижды чашу, но во время пре-

подаванія уже имѣеть на себѣ митру или кидарь, во образъ верховнаго первосвященника— Иисуса. Послѣ Божественнаго пріобщенія, діаконой, взявъ дискосъ и читая воскресныя пѣсни, именно: *воскресеніе Христова видѣвше; свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме; о пасха велія и священнѣйшая, Христе*, — собираеть губкою останки тѣла Христова и ссыпаетъ ихъ съ дискоса въ потирь, вмѣстѣ со всеми частицами святыхъ и людей, живыхъ и усопшихъ. За это сильно укоряють насъ Латиняне, какъ будто мы смѣшиваемъ чрезъ то людей съ обоженнымъ тѣломъ Христа; но безукоризненная и православная наша Церковь—выше такихъ обвиненій. Невозможно, чтобы какойбы то ни было человекъ сталъ Богомъ по естеству, какъ то дѣлается съ премѣненнымъ хлѣбомъ чрезъ Духа Святаго; но если онъ и прилѣпляется къ Иисусу и два соединяются во едино, какъ бываетъ, когда человекъ пріобщается сихъ Божественныхъ таинъ, то не измѣняетъ своего естества въ Божественное, а только пріемлетъ благодать отъ Христа, остается же по прежнему человекъ человекомъ. И хотя пріемлетъ и благодать Божества, но не дѣлается Богомъ по естеству, какъ Христосъ, а по благодати. Поэтому священнику надлежитъ быть внимательнымъ къ тому, чтобы не преподать какому-либо христіанину въ причастіи частицъ за людей, дабы онъ не могъ впасть въ идолопоклонство. Намѣреніе же Церкви, съ какимъ она влагаетъ частицы за людей въ потирь, то, чтобы честною кровію Владыки омыть грѣ-

хи поминаемыхъ, и этихъ частицъ можетъ быть столько, сколько угодно. И Иоаннъ, когда стоялъ при крестѣ, поднесъ сосудъ къ язвамъ Иисуса, только для того, чтобы Его кровію омыть хотя одного грѣшника. Потому и этотъ человекъ не сдѣлался тогда Христомъ по естеству, но только очистился и омылся отъ грѣха кровію Христовою. Такимъ образомъ многіе въ нашей епархіи, которые понимаютъ настоящее намѣреніе Церкви, когда влагаютъ частицы въ потиръ, сряду послѣ пѣсней воскресныхъ, говорятъ слѣдующія слова: *отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ кровію твоею честною, молитвами святыхъ твоихъ.* Впрочемъ, хотя и не всѣ говорятъ это; но на томъ основаніи, что кровь Христа имѣетъ силу очищать скверны вѣрующихъ, мы утверждаемъ, что она всегда имѣетъ свою дѣйственность, будемъ ли мы произносить тѣ слова или нѣтъ, и въ этомъ состоитъ вся сила священства. Поэтому, когда священникъ приноситъ Богу эту жертву и молить о душевномъ спасеніи какого-либо человека, живаго или усопшаго; онъ надѣется не на силу своей добродѣтели для полученія прощанья, а на силу и благодать Владыки, проліявшаго за насъ кровь. Сюда-то относятся слова Пророка Захаріи, который говоритъ: *и ты въ крови завета твоего испустилъ еси узники твоя отъ рова не илущаго воды (9, 11).* Такимъ образомъ не только во время распятія Спасителя Его кровь, проліянная на крестѣ, извела изъ ада Его рабовъ, но

и теперь сія кровь новаго завѣта, изливаемая таинственно на Божественной литургіи, освобождаетъ и усопшихъ изъ ада, за которыхъ приносится эта жертва, и живыхъ отъ всякаго душевреднаго нападенія діавола. Эта кровь не имѣетъ отъ той никакого отличія, но — совершенно тоже, что и та. Таковъ чинъ, котораго мы держимся относительно литургіи, котораго, надѣюсь, и вы держитесь, а если и допускаете въ чемъ-либо разность, то согласитесь и будьте съ нами за-одно относительно этого чиноволоженія, которое мы, какъ оно изъ начала предано, неизмѣнно соблюдаемъ,—да едиными устами и единымъ сердцемъ славимъ единаго Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа и самаго единороднаго Сына Его со всесвятымъ Духомъ.

